

«Сложнее всего были ее паузы»

Дмитрий Бобышев — «Газете»

*Газета-2006-06
март-С. 24.*

Анна Ахматова — один из немногих русских поэтов XX столетия, вошедших в число авторов первого ряда вровень с классиками Золотого века. В день сорокалетия со дня ее кончины об ахматовской линии в своей судьбе «Газете» рассказал Дмитрий Бобышев, поэт, в 1960-х принадлежавший к кругу ближайших молодых друзей Ахматовой и нашедший для него знаменитое определение «ахматовские сироты».

Я познакомился с Ахматовой в начале 60-х годов прошлого века. Она жила тогда в Ленинграде (она, кстати, так и называла этот город в стихах и разговорах) на улице Красной Конницы, а ныне, кажется, опять Кавалергардской. Об этой встрече позаботился Евгений Рейн, с которым мы тогда хорошо дружили. До того мы не раз внезапно навещали наших кумиров-писателей: Олешу, Пастернака, Сельвинского, Луговского — просто чтоб познакомиться и выразить свое читательское восхищение. А с Найманом мы таким же образом посетили Зоценко. Но здесь поводом для визита оказался будущий переезд Ахматовой в квартиру писательского дома на Петроградской стороне, а мы с Рейном, как я узнал позднее, были приглашены в помощь для упаковки книг.

Однако Ахматова быстро распознала в нас не столько ее читателей и поклонников, сколько самостоятельных стихотворцев. Она сказала запомнившуюся мне фразу: «Как маршал Гинденбург говаривал, что он знает своих русских, так и я знаю своих читателей». С этим она предложила нам оставить упаковку книг и перейти в соседнюю комнату, чтобы послушать наши стихи.

Мы прочитали по стихотворению, и она предложила нам прочесть еще. Это и было, в сдержанной форме, ее признание. Вскоре Найман по телефону пригласил меня по поручению Ахматовой к ней на новоселье, и там я встретил, почти не удивившись, моих собратьев по перу: Рейна, Бродского и Наймана, который познакомился с ней чуть раньше. Мы выпили тогда по рюмке водки на кухне, много и бурно шутили. Эти встречи с Ахматовой, вместе и порознь, продолжались вплоть до ее кончины в марте 1966 года.

Я виделся и общался с ней не только на этой квартире, но и на литфондовой «Будке» в Комарове, а также в Москве на Ордынке, на квартире у Ардовых, где она нередко останавливалась.

В день рождения Ахматовой я однажды привез ей пять свежайших роз, из которых четыре в положенный срок увяли, а пятая, по ее словам, «необыкновенно хорошо расцвела и долго цвела чудеса, едва не летая по комнате». С этим букетом я преподнес ей стихотворный мадригал, в котором просил, чуть ли не требовал ответных стихов — не только для себя, но и для своих друзей-стихотворцев. И она одарила Бродского «Последней», Найма-

на — «Небывшей», а меня — «Пятой розой».

В ее посвящениях есть, как всегда, четкий подтекст, и относительно «Пятой» можно найти объяснения в моей книге воспоминаний «Я здесь», выпущенной в Москве в 2003 году.

В разговорах с Ахматовой — о ее поэзии, о Мандельштаме, Гумилеве, о Серебряном веке вообще, о Пушкине, Горации и даже о египетских писцах, которых она тогда переводила, — сложнее всего для меня были ее «ахматовские» паузы, которые требовали от собеседника заполнения, но не словесной чепухой, конечно, а мыслями на том же уровне. И такие мысли незамедлительно возникали и произносились.

Казалось, эти разговоры будут длиться вечно. Но вот — ровно 40 лет назад — ее вдруг не стало. На похоронах четыре упомянутых стихотворца встретились все вместе в последний раз. В своем цикле «Траурные октавы» я назвал их «ахматовскими сиротами», и это название как-то прижилось, потому что оно определило былую общность.

Немало времени прошло с тех пор, а некоторые жизни целиком уложились в эти сроки. Но Ахматову по-прежнему читают, она по-прежнему ведет свой интимный и душевный диалог

с отдельной личностью и — одновременно — с огромной национальной аудиторией.

И более того — с интернациональной. Я уже давно преподаю русскую литературу в Иллинойском университете — колоссальном культурном и научном центре американского Среднего Запада, расположенном в сдвоенном городе Урбана-Шампейн, примерно в двух часах езды к югу от Чикаго. Один из моих курсов «Русский модернизм» целиком построен на поэзии Ахматовой, благо что к ее столетию был выпущен в Бостоне двуязычный двухтомник самого полного на тот момент собрания ее стихотворений в переводах Джудит Хемшмайер. Тогда же вышла и биография «Поэт и пророк», написанная Робертой Ридер. Этого уже было бы достаточно для насыщенного научной информацией курса. Но как раз в 2005 году вышли новые книги об Ахматовой: биография Элейн Фейнштейн и «Анна Ахматова в 60-е годы» Романа Тименчика, когда-то независимого рижского исследователя, а ныне профессора Еврейского университета Иерусалима. Прекрасное пополнение для моего курса!

И все-таки живые глаза студентов — самое верное свидетельство о ее поэзии.